

ПРАВО

Истребование доходов, извлеченных в результате незаконного владения и пользования чужим недвижимым имуществом в Республике Армения

Геворгян Гарик С.

*аспирант 2-ого года обучения, ассистент кафедры Гражданского права и Гражданского процессуального права, Институт права и политики, Российско-Армянский (Славянский) университет (Ереван, РА)
gevorgiangarik@gmail.com*

УДК: 347.2; EDN: TOEJTV

Ключевые слова: виндикационный иск, деликт, незаконные доходы, кондикция, бремя доказывания.

Հայաստանի Հանրապետությունում ուրիշի անշարժ գույքը տիրապետելու և օգտագործելու արդյունքում ստացված եկամուտների բռնագանձումը *Վևորգյան Գարիկ Ս.*

*Հայ-Ռուսական (Սլավոնական) համալսարանի
Իրավունքի և քաղաքականության ինստիտուտի քաղաքացիական իրավունքի և քաղաքացիական դատավարության իրավունքի ամբիոնի ասպիրանտ (Երևան, ՀՀ)
gevorgiangarik@gmail.com*

Ամփոփագիր. Հայաստանի Հանրապետությունում անշարժ գույքի սեփականատերերը հաճախ առնչվում են իրենց գույքն ապօրինի տիրապետողից գույքի օգտագործման դիմաց վճարի բռնագանձման խնդրի հետ: Հայաստանի Հանրապետության օրենսդրությունը գույքի տիրապետման և օգտագործման իրավագործություններից զրկվելու արդյունքում սեփականատիրոջ կրած կորուստների փոխատուցման համար նախատեսել է իրավունքի պաշտպանության մի շարք միջոցներ՝ վերջինիս իրավունք տալով ապօրինի տիրապետողից բռնագանձել անհիմն խնայած գույքի օգտագործման գումարը, ներկայացնել վնասների հատուցման պահանջ կամ բռնագանձել այն եկամուտները, որոնք ապօրինի տիրապետողը ստացել է գույքը տիրապետելու արդյունքում: Սույն հոդվածում ուսումնասիրվում է անշարժ գույքն ապօրինի տիրապետելու արդյունքում ստացված եկամուտների բռնագանձման իրավական բնույթը: Մասնավորապես, դիտարկվում են ապօրինի տիրապետողի կողմից ստացված եկամուտները որպես վնասներ կամ անհիմն հարստացում որակելու տարբերակները: Չնայած այն հանգամանքին, որ ապօրինի տիրապետողի կողմից ստացված եկամուտների բռնագանձման պահանջը առաջին հայացքից նման է բաց թողնված օգուտի բռնագանձման պահանջին, հեղինակի կողմից ներկայացվում են հակառակը հիմնավորող փաստարկներ: Քննարկվող պահանջի որակումը ունի ոչ միայն տեսական, այլ նաև գործնական նշանակություն, քանի որ դա կարող է ազդել մի շարք դատավարական հարցերի վրա, օրինակ՝ ապացուցման պարտականությունը բաշխելու վրա:

Հանգուցաբառեր՝ վիճակագրություն հայց, դեղիկտ, ապօրինի եկամուտներ, կոնդիկցիա, ապացուցման բեռ:

Claim on Charging Profits Retrieved in Result of Adverse Possession Over Immovable Property in the Republic of Armenia

Gevorgian Garik S.

*PhD student at Russian-Armenian (Slavonic) University
Institute of Law and Politics, Chair of civil law and Civil procedure law (Yerevan, RA)
gevorgiangarik@gmail.com*

Abstract. Often owners of immovable property in Armenia are facing problems of charging rental payments in cases of adverse possession. Armenian legislation envisages several remedies for compensation of losses caused by adverse possessor, including claims for unjust enrichment, reimbursement of losses and disgorgement of profits. In this article the author analyses the issues of defining legal nature of claims on charging profits retrieved by adverse possession over immovable property. Options to refer remedy at issue to tort liability or unjust enrichment are considered. Though at first glance claims on charging profits from adverse possessor and claims on loss profit compensation are similar, the author argues the contrary. Definition of legal nature of examined remedy has not only theoretical but also practical significance in as much as it can affect several procedural matters like distribution of burden of proof.

Keywords: vindication, tort, illegal profits, unjust enrichment, burden of proof.

В связи со сложившимся в Республике Армения уровнем правосознания граждан, можно встретить множество случаев, когда недвижимое имущество передается во временное владение иного лица без заключения сделки в надлежащей форме. Как правило, стороны ограничиваются достигнутыми устными соглашениями. Очевидно, что такое соглашение по своей правовой природе является ничтожной сделкой, которая не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью. Например, при отсутствии письменных доказательств наличия фактических арендных отношений, вопрос использования способа защиты в виде применения последствий недействительности ничтожной сделки, может породить сложности для собственника в процессе доказывания. В связи с этим, для нивелирования указанных рисков предпочтительным является представление виндикационного требования к незаконному владельцу. Как правило, нежелание надлежащего оформления действительных отношений между сторонами мотивировано, к числу иных, уклонением от уплаты налогов, а также нежеланием в дальнейшем вовлекаться в судебные споры относительно вопросов расторжения договора аренды, и видится для собственников, что они могут выселить нанимателей более быстро без наличия соответствующего договора.

Но необходимо учитывать, что вопрос выбора наиболее подходящего способа защиты должен обсуждаться с учетом обстоятельств конкретного дела. Например, если незаконное владение продолжается более трех лет, тогда виндикационный иск может быть отказан на основании пропуска срока исковой давности при наличии соответствующего заявления ответчика. В армянской правоприменительной практике есть противоречивые позиции судов относительно применения трехлетнего срока исковой давности к виндикационным требованиям, хотя, по крайней мере, в законодательстве отсутствуют регулирования относительно установления для виндикационных исков более длинных сроков или неприменения сроков исковой давности, в отличие от негаторного требования, к которому срок исковой давности не применяется (статья 344 ГК РА). Таким образом, для собственника наиболее выгодно доказать в суде факт заключения ничтожной сделки аренды недвижимого имущества и предъявить требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки, требуя вернуть недвижимость, которую ответчик получил по ничтожной сделке, так как срок исковой давности по указанному требованию составляет 10 лет.

Также распространенными являются случаи, когда прежние собственники имущества после обращения взыскания на имущество отказываются передать недвижимость новому собственнику, который приобрел имущество на торгах, или залогодержателю, который во внесудебном порядке принял в собственность предмет залога. В указанных случаях прежние собственники продолжают владеть и пользоваться недвижимостью без правовых оснований, в некоторых случаях недвижимость используется в предпринимательских целях, и незаконный владелец, пользуясь уже чужим имуществом, получает доходы. Часто с подобными проблемами сталкиваются банки и кредитные организации.

В указанных случаях, когда предъявляется виндикационное требование, возникает необходимость взыскания тех дополнительных потерь, которые собственник претерпел в результате незаконных действий владельца, так как был лишен возможности владения, пользования имуществом и тем самым извлечения выгод из своего имущества. Предъявление наряду с виндикационным иском также имущественного притязания в виде истребования полученных незаконных доходов или рыночной стоимости пользования имуществом может стимулировать незаконного владельца как можно скорее прекратить нарушение прав титульного собственника, так как очевидно, что нарушитель права не останется в выигрыше в результате продолжения нарушения прав собственника.

Можно выделить следующие виды имущественных требований, которые собственник недвижимости может предъявить к незаконному владельцу кроме основного требования о возвращении имущества из незаконного владения:

Во-первых, незаконный владелец в результате пользования чужим имуществом сберегает денежные средства, которые он бы потратил на пользование подобным имуществом, например, арендную плату. Эти денежные средства собственник вправе истребовать в качестве неосновательного обогащения на основании части 2 статьи 1095 ГК РА, согласно которой лицо, неосновательно временно пользовавшееся чужим имуществом без намерения его приобрести либо чужими услугами, должно вернуть потерпевшему то, что оно сберегло, по цене, существовавшей в том месте, где это происходило.

Во-вторых, незаконный владелец в результате пользования имуществом может получить прибыль, которую собственник может истребовать на основании статьи 276 ГК РА.

В-третьих, незаконное владение может причинить собственнику убытки, например, в виде упущенной выгоды, если собственник докажет,

что, например, незаконным владением был порван договор аренды с третьим лицом на крупную сумму.

Необходимо определиться с правовой природой требования о взыскании доходов, извлеченных незаконным владельцем, и определить место этого требования в системе других способов защиты. Определение правовой природы обсуждаемых требований не носит сугубо теоретический характер, а имеет весьма практическое значение. От правовой квалификации требования зависят вопросы распределения бремени доказывания фактов, имеющих значение для дела, например, факта добросовестности владельца, его вины, вопросы определения момента исчисления процентов за незаконное пользование чужими денежными средствами и так далее.

Самым главным вопросом, на который нужно ответить – можно ли одновременно взыскать с незаконного владельца рыночную стоимость пользования недвижимым имуществом как неосновательное обогащение (предположим 100 единиц) и доходы, который незаконный владелец получил в результате владения имуществом (предположим 150 единиц), по статье 276 ГК РФ. Например, лицо незаконно владеет недвижимостью и осуществляет ресторанный бизнес. Может ли в этом случае собственник недвижимости потребовать от нарушителя 250 единиц, или собственник вправе воспользоваться только одним способом защиты?

Необходимо учитывать, что право собственности, а в частности правомочие пользования имуществом предполагает наличие у собственника легитимного интереса в извлечении прибыли в результате пользования имуществом. О защите легитимного интереса извлечения прибыли от вещи отмечал Европейский суд по правам человека в деле *Edwards v. Malta* [8]. В связи с этим считаем ошибочным подход, закрепленный в статье 144 ГК РФ, которая в качестве общего правила устанавливает, что полученные в результате использования вещи плоды, продукция и доходы принадлежат законному пользователю, а не собственнику вещи. Следовательно, в законе есть пробел, так как остается открытым вопрос принадлежности полученных доходов в случае незаконного использования вещи. Данный пробел не заполняется даже далее рассматриваемыми нормами, которые дают собственнику право взыскать доходы, которые незаконный пользователь получил.

Правило взыскания с незаконного владельца доходов, полученных в результате использования чужого имущества, закреплено в части 1 статьи 276 ГК РФ. Согласно указанной норме

при истребовании имущества из чужого незаконного владения собственник вправе потребовать у лица, который знал или должен был знать, что его владение является незаконно (недобросовестный владелец), возврата или возмещения также всех доходов, которые это лицо извлекло или могло извлечь в течение всего периода незаконного владения имуществом, а от добросовестного владельца — возврата или возмещения всех доходов, которые он извлек или мог извлечь, начиная с момента, когда он узнал или должен был узнать о том, что его владение незаконно или получил повестку по иску собственника о возврате имущества.

Prima facie похожее регулирование закреплено в статье 17 ГК РФ, посвященной возмещению убытков. Согласно части 3 указанной статьи, если нарушившее право лицо получило вследствие этого доходы, то лицо, право которого было нарушено, вправе потребовать наряду с другими убытками, возмещения упущенной выгоды в размере не меньшем, чем эти доходы.

Аналогичная норма присутствует в Гражданском кодексе РФ, а также в Гражданском кодексе Нидерландов. Данный институт в странах англо-саксонской правовой системы именуется как *disgorgement of profits*. В юридической доктрине нет однозначного подхода относительно квалификации доходов, полученных нарушителем права. Некоторые считают, что данная норма устанавливает абстрактный способ расчета упущенной выгоды, а другие рассматривают данное требование в качестве самостоятельного способа защиты права пострадавшего лица [5].

По мнению автора, из текстуального толкования обсуждаемой правовой нормы следует, что законодатель предоставил потерпевшему возможность взыскания наряду с иными убытками также доходы, полученные в результате нарушения права, именно в виде упущенной выгоды. Соответственно, к этим отношениям будут применяться правила деликтной ответственности, а размер этих доходов является абстрактным размером упущенной выгоды.

Необходимо учитывать, что, несмотря на прямое указание закона, обсуждаемый механизм взыскания упущенной выгоды не является классическим проявлением упущенной выгоды. Об этом свидетельствует то, что при взыскании убытков налицо восстановление корректирующей (коммутативной) справедливости, имущественного баланса в отношениях сторон, поправленного нарушением. В случае взыскания неправомερных доходов реализуется совсем иной принцип справедливости – не корректирующая

справедливость, а запрет на извлечение выгод в результате правонарушения [5].

Общий запрет на извлечение прибыли в результате правонарушения прямо не закреплен в законодательстве Республики Армения, но он вытекает из принципов гражданского права. Этот запрет вытекает из принципа справедливости, согласно которому нельзя допустить, чтобы лицо, ведущее себя недобросовестно или незаконно, могло наслаждаться выгодами или преимуществами, которые оно приобретает за счет такого поведения. Право не должно оставлять правонарушителю подобные преимущества, иначе у других лиц в подобной ситуации возникают стимулы совершать аналогичные правонарушения, и право не справляется с функцией их превенции, эффективной защиты прав и охраны правопорядка [1, с. 250].

Кроме того, в юридической доктрине справедливо указывается о разных целях, которые преследуют способы защиты по взысканию незаконных доходов и упущенной выгоды. В частности, взыскание упущенной выгоды нацелено на восстановление положения, которое существовало бы, если нарушение права собственника не произошло, в то время как взыскание незаконных доходов нацелено также на предотвращение нарушения прав, призывая участников оборота не пытаться извлекать прибыль, незаконно используя чужое имущество [7, с. 50].

Можно отметить, что деликтная ответственность, прежде всего, имеет восстановительную (корректирующую) функцию. Но Аристотель сводил корректирующую справедливость к формальному арифметическому действию, основанному на принципе арифметического равенства, в результате которого «потеря» потерпевшего должна была быть полностью восстановлена за счет взыскания с деликвента полученной им «выгоды» в результате совершения деликта [4, с. 81].

Рассматривая также штрафную (ретрибутивную) функцию деликтной ответственности, следует согласиться с мнением Д.Е. Богданова о том, что «под влиянием тенденции социализации и гуманизации гражданско-правовой ответственности роль ретрибутивной справедливости будет возрастать, что с неизбежностью приведет к тому, что деликт станет сферой не только частного, но и социального, публичного интереса. На первый план выйдет не компенсация, а функция по сдерживанию (deterrence) вредоносного, антисоциального поведения, а это означает необходимость в разработке средств, позволяющих обществу дифференцированно реагировать на

умышленные, циничные и антисоциальные деликты. Рассмотрение деликтной ответственности лишь с позиций корректирующей справедливости не позволяет решить данные общесоциальные задачи» [2, с. 361].

Учитывая изложенные функции деликтной ответственности, можно констатировать, что ответственность, предусмотренная в статье 276 ГК РА, преимущественно также сводится к этим функциям и направлена как на восстановление положения потерпевшего за счет полученного деликвентом прибыли, так и на сдерживание вредоносного, незаконного поведения.

В армянском законодательстве норма о взыскании неправомερных доходов закреплена также в главе о неосновательном обогащении. Согласно части 1 статьи 1097 лицо, которое неосновательно получило или сберегло имущество, обязано возместить или возвратить потерпевшему все доходы, которые оно извлекло или должно было извлечь из этого имущества, начиная со дня, когда узнало или должно было узнать о неосновательности обогащения.

Некоторые авторы считают, что на основании норм неосновательного обогащения от незаконного собственника нельзя требовать доходы, полученные от использования имущества. В частности, В.С. Гербутов отмечает, что при добросовестности пользователя (отсутствии у него знания о неосновательности пользования) следует ограничить размер кондикционной ответственности рыночной стоимостью пользования, как это и сделано в настоящее время в п. 2 ст. 1105 ГК РФ. Недобросовестное же (осознанное) бездоговорное использование чужого имущества должно рассматриваться в качестве правонарушения, влекущего обязанность пользователя возместить причиненные убытки, включая полученные доходы, согласно абз. 2 п. 2 ст. 15 ГК РФ. Взыскание доходов от пользования имуществом нормами о кондикционных обязательствах не предусмотрено (даже если не считать недоразумением упоминание сбереженного имущества в п. 1 ст. 1107 ГК РФ, и с точки зрения данного пункта речь может идти лишь о «доходах, извлеченных из сбереженного имущества», т.е. доходах, полученных от сохраненных денежных средств, а не от самого пользования имуществом) [3, с. 12 -13].

Указанная позиция не является бесспорной, так как автор считает, что взысканию подлежат только доходы, полученные от неосновательно сбереженных денежных средств. Но рассматриваемая статья прямо указывает, что взысканию подлежат доходы, извлеченные не только от сбереженного, но и от самого имущества. А

согласно статье 1093 ГК РФ правила неосновательного обогащения *mutatis mutandis* относятся к требованиям об истребовании имущества собственника из чужого незаконного владения. А лицо, которое без каких либо правовых оснований владеет чужим имуществом, по смыслу статьи 1092 ГК РФ неосновательно приобрело имущество, которое подлежит возврату потерпевшему.

Но все же вопрос определения правовой природы доходов, которые потерпевший может взыскать на основании статьи 1097 ГК РФ, не является определенным, и несмотря на то, что указанная норма находится в главе о неосновательном обогащении, природа указанных доходов совершенно не сводится к неосновательному обогащению. Стоит отметить, что для неосновательного обогащения характерно фактическое сбережение или приобретение имущества за счет потерпевшего, в то время как статья 1097 ГК РФ *inter alia* допускает взыскание доходов, который нарушитель должен был извлечь из неосновательно приобретенного или сбереженного имущества, но фактически не извлек. Но указанная норма не подлежит применению к случаям взыскания дохода, извлеченного незаконным владельцем в результате пользования имуществом, так как эти отношения регулируются более специальной нормой, закрепленной в статье 276 ГК РФ. Подобный подход поддерживается также в судебной практике РФ, например, из пункта 12 Постановления Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 N 73, Постановления Президиума ВАС РФ от 06.04.2004 N 15828/03 по делу N А76-4715/03-9-188 следует, что к отношениям, которые касаются расчетов, связанных с возвратом имущества из чужого незаконного владения, положения о возмещении стоимости неосновательного обогащения не применяются. По мнению автора, собственник вправе требовать от незаконного владельца полученные доходы на основании статьи 1097 ГК РФ в случае предъявления требования о применении последствий недействительности ничтожной сделки, например, договора аренды.

Из изложенного можно сделать вывод, что способ защиты, описанный в части 3 статьи 17 ГК РФ, законодатель отнес к взысканию упущенной выгоды. Хотя, учитывая, что взыскание незаконных доходов и упущенной выгоды преследуют разные цели, правовая природа взыскания незаконных доходов как способа защиты все же остается дискуссионной. Однако, следует заметить, что статья 276 ГК РФ, в отличие от части 3 статьи 17 ГК РФ, прямо не указывает правовую природу доходов, которые собственник может взыскать от незаконного

владельца. И, несмотря на похожие формулировки в обсуждаемых статьях, однозначно нельзя утверждать, что доходы незаконного владельца, которые собственник имущества может взыскать по статье 276 ГК РФ, являются упущенной выгодой. Более того, вводит в еще большее заблуждение статья 1093 ГК РФ, которая прямо указывает, что правила неосновательного обогащения *mutatis mutandis* относятся к требованиям об истребовании имущества собственника из чужого незаконного владения. Учитывая противоречивые законодательные формулировки можно рассмотреть три варианта правовой квалификации способа защиты, предусмотренного в статье 276 ГК РФ:

➤ Доходы, который собственник может взыскать от незаконного владельца, являются упущенной выгодой, соответственно, применяются правила деликтной ответственности.

➤ В силу прямого указания статьи 1093 ГК РФ доходы, которые извлек незаконный владелец, являются неосновательным обогащением.

➤ Способ защиты, закрепленный в статье 276 ГК РФ, является самостоятельным и устанавливает самостоятельный вид гражданско-правовой ответственности, отличный от деликтной ответственности и неосновательного обогащения.

Автор считает, что законодательное указание применения норм о неосновательном обогащении к виндикационным требованиям, не является достаточным для отнесения доходов, извлеченных незаконным владельцем, к неосновательному обогащению. Наоборот, конструкция, закрепленная в статье 276 ГК РФ, более соответствует функциям деликтной ответственности, которые изложены выше, так как указанный способ защиты входит в рамки как ретрибутивной, так и сдерживающей функции деликтной ответственности. Следовательно, можно утверждать, что требование о взыскании доходов, извлеченных незаконным владельцем имущества, является одним из проявлений деликтной ответственности. Рассматриваемое требование похоже на требование о взыскании упущенной выгоды, но совершенно не сводится к нему. Об этом свидетельствует то, что собственник имущества, требующий взыскание незаконных доходов по статье 276 ГК РФ, не обязан доказывать размер доходов, которые он сам бы заработал, если не было нарушено его право собственности. Достаточно лишь доказать, что незаконный владелец фактически извлек от использования имущества доход в определенной сумме. Более того, собственник вправе взыскать также сумму того дохода, который незаконный владелец мог извлечь, но фактически не извлек,

в то время как при взыскании упущенной выгоды следует доказать размер тех доходов, которые бы получил сам собственник, а не незаконный владелец.

О деликтной природе взыскания доходов, извлеченных незаконным владельцем, указывает также Кассационный суд РА в деле № 171/0030/02/10, отмечая, что одновременное предъявление виндикационного иска и иска о возмещении вреда допускается исключительно в тех случаях, когда требование о возмещении вреда носит производный характер и вытекает из содержания виндикационного иска, делая ссылку на статью 276 ГК РА. Более детально статья 276 ГК РА не подвергалась в армянской судебной практике.

Отвечая на поставленные в начале настоящей статьи вопросы, можно отметить, что собственник имущества может одновременно представить против незаконного владельца виндикационный иск и иск о возмещении убытков в виде доходов, которые незаконный владелец извлек или мог извлечь от пользования имуществом. Вместо требования о взыскании доходов собственник может истребовать от незаконного владельца рыночную стоимость пользования недвижимостью в качестве неосновательного обогащения. И, несмотря на отсутствие прямого законодательного запрета, считаем, что собственник может представить одно из перечисленных двух имущественных притязаний. По мнению автора оба способа защиты направлены на защиту одного и того же интереса потерпевшего – легитимного интереса извлечения прибыли от пользования своей собственностью, который был подорван незаконным владельцем. Одновременное истребование незаконных доходов и рыночной стоимости пользования имуществом является недопустимым, так как это повлечет к неосновательному обогащению потерпевшего, собственник получит значительно больше, чем он мог рассчитывать, если его право не было нарушено. Иными словами, собственник не может одновременно передать одно и то же имущество в аренду, получая арендную плату, и извлекать из пользования того же имущества прибыль. Более того, подобная ответственность не была бы пропорциональной для нарушителя, а ответственность бы носила чрезмерно штрафной характер, что не свойственно природе деликтной ответственности.

Изложенная нами позиция также исходит из принципа полного возмещения убытков, который определяет нижнюю границу компенсации, но он же является по общему правилу и верхним ограничителем. Компенсация убытков

направлена на восстановление коммутативной (корректирующей) справедливости и не должна приводить к неосновательному обогащению потерпевшего [1, с. 1234].

Автор считает, что, исходя из принципа диспозитивности, собственник сам должен решать каким из способов защиты его прав следует воспользоваться, принимая во внимание обстоятельства конкретного дела, возможности доказывания имеющих значение для разрешения дела обстоятельств. Например, при конкретных обстоятельствах собственнику будет легче взыскать неосновательно сбереженную рыночную стоимость пользования имуществом, чем размер доходов, который незаконный владелец извлек или мог извлечь.

Как уже было отмечено, определение правовой природы обсуждаемого способа защиты может повлиять также на процесс доказывания в ходе судопроизводства. Так, в статье 276 ГК РА указывается, что незаконные доходы подлежат взысканию от недобросовестного владельца, а от добросовестного владельца можно взыскать доходы с того момента, когда последний узнал или должен был знать о незаконности своего владения или с момента получения извещения о виндикационном иске. В связи с этим возникает вопрос: кто должен нести бремя доказывания факта недобросовестности/добросовестности ответчика?

Если считать взыскание доходов, извлеченных незаконным владельцем, проявлением деликтной ответственности, то можно сделать вывод, что будет действовать презумпция вины причинителя вреда. Следовательно, владелец сам должен будет доказывать свою добросовестность и нести неблагоприятные последствия в случае, если этот факт останется недоказанным.

Казалось бы, здесь появляется коллизия между презумпцией вины и презумпцией добросовестности, но следует согласиться с позицией Д.Б. Савельева, согласно которой в отношении нарушителя обязательства или причинителя противоправного вреда действует презумпция вины, поскольку его добросовестность опровергнута самим фактом нарушения обязательства или причинения вреда [6, с. 152].

Перечень использованной литературы

1. Асосков А. В., Байбак В. В., Бевзенко Р. С. [и др.] ; отв. ред. Карапетов А. Г. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / – Москва : М-Логос,

2020. – 1469 с. (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса.)
2. **Богданов Д. Е.** Справедливость как основное начало гражданско-правовой ответственности в российском и зарубежном праве. Дис. ... д.ю.н. М., 2015. 540 с.
 3. **Гербутов В. С.** Об истребовании доходов, полученных от использования чужого имущества // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. N 8.
 4. **Егорова М. А., Крылов В. Г., Романов А. К.** Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве: Учебное пособие / отв. ред. доктор юридических наук М.А. Егорова. — М.: Юстицинформ, 2017. — 376 с.
 5. **Карапетов А. Г.**, Amicus Curiae: вопрос об отличиях истребования неправомерных доходов ответчика vs взыскания упущенной выгоды истца вновь будет рассмотрен ВС РФ, [Электронный ресурс]: https://zakon.ru/blog/2021/4/5/amicus_curiae_vopros_ob_otlichyah_istrebovaniya_nepravomernyh_dohodov_otvetchika_vs_vzyskaniya_upus .
 6. **Савельев Д. Б.** Презумпция добросовестности и вины в гражданском праве России // Труды Кировского филиала МГЮА № 4. 2000.
 7. **Seaman, C., Cotter, T., Love, B., Siebrasse, N., & Suzuki, M.** (2019). Lost Profits and Disgorgement. In C. Biddle, J. Contreras, B. Love, & N. Siebrasse (Eds.), Patent Remedies and Complex Products: Toward a Global Consensus (pp. 50). Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/9781108594981.003_4 [Электронный ресурс]: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-77655> .

Сдана/Հանձնվել է՝ 03.05.2022

Рецензирована/Գրախոսվել է՝ 18.05.2022

Принята/Ընդունվել է՝ 23.05.2022